

Н. Г. Устрялов

**Сказания современников о
Дмитрии Самозванце**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Г. Устрялов**
Сказания современников о Дмитрие Самозванце: Часть 1 / Н. Г. Устрялов –
М.: Книга по Требованию, 2020. – 479 с.

ISBN 978-5-518-10097-8

Беръ, Паерле, Маржереть и Де-Ту.
Издание третье, исправленное.

ISBN 978-5-518-10097-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННОКОВЪ

0

ДИМИТРИИ САМОЗВАНЦЪ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БЕРЪ. ШЕРЛЕ, МАРЖЕРЕТЪ и ДВ - ТУ.

САИИТПЕИЕРВУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 15 мая 1857 года

Ценсоръ В. Бяктовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Никогда отечество наше, до восшествія на престолъ знаменитаго поколѣнія Романовыхъ, не было такъ сильно и счастливо, какъ въ первые годы царствованія Бориса Годунова: рукою опытною, искусною онъ правилъ кормиломъ государства, устранивъ отъ него бѣдствія, указывая народу новые источники благоденствія, помышляя о наукахъ, о смягченіи нравовъ, объ Европейской образованности. Народъ любилъ его какъ отца, зная, что Борисъ готовъ былъ пожертвовать для счастья подданныхъ послѣднею рубахою; тронъ его казался непоколебимымъ; съ почтеніемъ и страхомъ смотрѣли на него сосѣды; въ юномъ сынѣ Борисовомъ Россія видѣла залогъ будущаго благоденствія, а въ дочери его, въ престолной Ксеніи, опору своего могущества... И все это рушилось, и все это исчезло, какъ мечта! Сила Годунова онѣмѣла предъ тѣнію отрока, 12 лѣтъ лежавшаго въ могилѣ; тронъ его палъ, родъ его погибъ; бродяга явился

на Русскомъ престолѣ; но правилъ умно, дѣйствовалъ смѣло, хотѣлъ быть выше королей и цесаря, готовилъ важный переворотъ, и упоенный счастьемъ, слетѣлъ съ высоты величія скорѣе, чѣмъ достигъ до нея. Тутъ настало время неустройствъ безпримѣрныхъ; имя Дмитрія, какъ волшебный гласъ, какъ приговоръ судьбы, взволновало наше отечество, разорвало всѣ узы, ниспровергло всѣ законы, привело въ Россію, къ самой Москвѣ, Поляковъ, Литовцевъ, Шведовъ, Крымцевъ, Донцовъ, Запорожцевъ, Черемись, Чувашей, Казанцевъ. Предки наши въ непонятномъ ослѣпленіи стремились съ хлѣбомъ-солью на встрѣчу каждому, кто только хотѣлъ назваться Дмитріемъ, и — повѣрить ли потомство? — нѣсколько сотъ тысячъ Россіянъ съ боярами, съ князьями, предались жиду, Вору Тушинскому! До сихъ поръ видны слѣды лагеря, гдѣ онъ болѣе двухъ лѣтъ стоялъ подъ Москвою. Судьба нашего отечества зависѣла отъ одного слова Сигизмунда, и если бы не твердость Ермогена, не великодушіе Минина, не мужество Пожарскаго, прощай Россія, и на вѣки. Къ счастью заблужденіе исчезло; предки наши образумились, стали дружно, твердо за вѣру, за отечество; явили доблести героевъ, и подъ сѣнію Михаила вздохнули наконецъ свободно, какъ пловцы послѣ страшной бури.

Если исторія, изображая судьбу царствъ и народовъ, должна вселять въ насъ покорность Провидѣнію, уваженіе къ святынѣ и законамъ, любовь къ истинѣ, кра-

сотѣ, добродѣтели, и если уроки ея тѣмъ сильнѣе, кра-
снорѣчивѣе, чѣмъ разительнѣе примѣры, ею приводи-
мые: то едва ли найдемъ въ лѣтописяхъ человѣчества
эпоху столь достопамятную, какую представляетъ наша
исторія въ началѣ XVII вѣка; по крайней мѣрѣ для
насъ, Русскихъ, знать время Самозванцевъ должно быть
поучительнѣе и занимательнѣе чтенія исторіи многихъ
народовъ иноплеменныхъ. Самые легкіе, даже непра-
вильные очерки добродѣтелей и злодѣйствъ, ознамено-
вавшихъ сіе время, врѣзываются глубоко въ нашей па-
мяти и оставляютъ въ душѣ впечатлѣнія неизгладимыя. . . . Ермогенъ, Мининъ, Пожарскій! кто безъ тре-
пета сердечнаго произносятъ священныя имена ваши,
хотя мы знаемъ о васъ по темному преданію, хотя до
сихъ поръ, въ сумракѣ временъ, вы стоите какъ вели-
чественныя тѣни, безъ жизни, безъ выраженія! Памят-
ники дѣлъ вашихъ, сказанія современниковъ, ваши соб-
ственныя, встлѣваютъ въ архивахъ. . . .

Въ эпоху Самозванцевъ болѣе, нежели когда либо
раскрылся характеръ народный: тутъ явился въ пол-
номъ блескѣ Россіянинъ, непоколебимый въ вѣрѣ, въ за-
конѣ праотцевъ, непоколебимый въ преданности царю и
престолу, но врагъ всего не Русскаго, ужасный на вой-
нѣ, въ пылу страстей, добрый и привѣтливый въ спо-
койной хижинѣ. И нынѣ Русскій народъ не измѣнилъ,
по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, своему харак-
теру: его одушевляетъ та же преданность къ вѣрѣ, къ

VIII

престолу, къ обычаямъ предковъ, которая спасла Россію отъ ига иноземцевъ, отъ власти Сигизмунда, та же ненависть ко всему не родному, которая въ началѣ XVII вѣка однихъ ознаменовала подвигами доблести, другихъ довела до слѣпаго заблужденія, до мрачныхъ злодѣйствъ. Въ исторіи Самозванцевъ вы узнаете народъ со всѣми его добродѣтелями и недостатками.

Кромѣ пользы, кромѣ спасительныхъ уроковъ, это достопамятное время даетъ обильную пищу воображенію: тамъ найдеть поэтъ или художникъ картины очаровательныя; тамъ увидить онъ и героевъ необыкновенныхъ и злодѣевъ невѣроятныхъ, тѣмъ не менѣе истинныхъ, каждаго съ выразительною фізіогномією. Пусть наши юные пѣвцы, наши романисты познакомятся съ Борисомъ Годуновымъ, съ Димитріемъ Самозванцемъ, съ Мариною, съ Воромъ Тушинскимъ, а болѣе всего пусть узнають Ермогена, Ляпунова, Минина, Пожарскаго, даже враговъ нашихъ, гетмана Жолкѣвскаго, налета Лисовскаго, пана Струся, Делагарди: пусть обрисуютъ дѣла и характеры ихъ кистию вѣрною, красками живыми, не измѣняя духу времени въ малѣйшихъ подробностяхъ, и мы перестанемъ исключительно читать Вальтеръ-Скотта, по крайней мѣрѣ, не промѣняемъ своего на чужое.

Но никто, можетъ быть, не обрѣтетъ въ нашей исторіи перваго десятилѣтія XVII вѣка столь неисчерпаемаго источника наслажденій, какъ любитель бытопи-

санія, который углубляется въ минувшіе вѣки съ благороднымъ желаніемъ открыть истину, разгадать характеръ людей, духъ времени, тайныя пружины событій, однимъ словомъ, хочетъ видѣть и узнать челоуѣка. Для такого ума испытательнаго одинъ Борисъ Годуновъ доставитъ обильную пищу къ размышленію. Потомство обвиняетъ его въ злодѣйствѣ, едва не погубившемъ Россіи: если онъ дѣйствительно обагрилъ руки свои кровію св. отрока, мы забудемъ все хорошее, что ни сдѣлалъ Годуновъ для отечества; но если онъ правъ, если его обвиняютъ по одному подозрѣнію, по стеченію обстоятельствъ, какими взорами станемъ смотрѣть и на Бориса, и на сына его, и на злополучную Ксенію? Такой предметъ стоитъ изслѣдованія. Дмитрій Самозванецъ представляетъ загадку не менѣе любопытную: нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ обманщикъ, но кто же именно? Отрепьевъ ли, сынъ ли Баторіевъ, орудіе ли езуитовъ? Далѣе, въ поступкахъ Шуйскаго, Ляпунова, въ избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича, мы видимъ явленія непостижимыя.

И на всѣ сіи предметы мы смотримъ съ какимъ-то безпримѣрнымъ равнодушіемъ! Вотъ почему вся наша исторія представляетъ, по большой части, одинъ *загадки*: не говоря о временахъ древнѣйшихъ, мы не знаемъ еще ни царя Іоанна, ни Алексѣя, ни Софіи, ни знаемъ, къ стыду нашему, и Петра Великаго. А болѣе всего блуждаемъ въ смутномъ времени Самозванцевъ: Карамзинъ

начерталъ картину плѣнительную; но многое въ ней темно, неполно, нетвердо. На чемъ основанъ его строгій приговоръ о Годуновѣ? Разгадалъ ли онъ Дмитрія Самозванца, Шуйскаго, Басманова? Почему онъ вѣрить одному свидѣтелю и отвергаетъ другаго, даже ссылаясь на одного и того же автора, почему говорить, что это сказаніе справедливо, а то ложно? Однимъ словомъ, читатель размышляющій находитъ и въ его прелестномъ твореніи много, много случаевъ сомнительныхъ; ихъ разрѣшить не лзя, если не будемъ знакомы съ современниками: когда сами выслушаемъ свидѣтелей, дадимъ очную имъ ставку, увидимъ, какія страсти ими руководствовали, сравнимъ ихъ показанія; тогда многія загадки исчезнутъ сами собою; духъ времени, характеръ народа, дѣйствія, нравы, обычаи, все будетъ живо, ясно. Одинъ Беръ откроетъ многія истины; а онъ-то менѣе всѣхъ извѣстенъ.

Вотъ мысль, побудившая меня собрать Сказанія современниковъ иноземцевъ о Дмитріи Самозванцѣ, и издать ихъ въ Русскомъ переводѣ. Я употребилъ всѣ силы, чтобы принести удовольствіе и пользу любителямъ Русской исторіи. Впрочемъ сколько ни лестно для меня благосклонное вниманіе публики; но если трудъ мой, по своимъ недостаткамъ, не заслужитъ ея одобренія, я буду утѣшать себя воспоминаніемъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, каторыя провелъ я въ бесѣдѣ съ свидѣтелями судьбы нашего отечества.

Такъ писалъ я въ 1831 году. Оставаясь при тѣхъ же мысляхъ и теперь, долгомъ считаю сказать, что при новомъ изданіи *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*, въ двухъ томахъ, безъ всякой перемены содержанія прежнихъ пяти томовъ, съ маловажною поправкою слога, я замѣнилъ приложенный къ первому изданію портретъ Лжедимитрія вѣрною копіею съ современнаго портрета, гравированнаго въ 1606 году въ Аугсбургѣ Лукою Киліаномъ, художникомъ въ свое время знаменитымъ многими гравюрами съ картинъ Павла-Веронеза и Тинторета, съ портретовъ Густава-Адольфа, Маріи-Елеоноры, принца Нассаускаго, князя Радзивила, Албрехта Дюрера. Киліановъ портретъ Самозванца сообщенъ мнѣ почтеннымъ любителемъ и знатокомъ отечественной исторіи, княземъ М. А. Оболенскимъ. Онъ выгравированъ въ нашемъ изданіи черта въ черту, за исключеніемъ только рамки, на которой находится надпись: DEMETRIUS IOANNIS, DEI GRATIA CZAR, ET MAGNUS DUX TOTIUS RUSSIAE, AC MONARCHIAE MOSCOVITICAE DOMINUS ET REX. Внизу, послѣ трехъ строкъ на Греческомъ языкѣ изъ Премудрости Соломоновой: *Admiratione virtutis, quam Deus in luce populorum posuit, sculpsit Lucas Kilianus Augustae Vind. An. MDCVI.* — Снимки съ подписей перваго и втораго Самозванцевъ заимствованы изъ 2 тома Румянцовскаго *Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ*. Подпись Маржерета сообщена мнѣ въ 1833 году Управляющимъ Московскимъ Главнымъ

ХП

архивомъ А. Ѳ. Малиновскимъ; она находится на слѣдующей роспискѣ въ полученіи окладнаго жалованья, хранящейся въ архивѣ: «Нововые'же" капито" Яко" ма-
«ререто" Гдрѣва црѣва і великаго кн'зя Бориса Ѳедоро-
«вича. всеа русні. ему жалова"я на рѣви го" окла" его
«сполна восмидеся' рубле" дано де"гя взя' самъ. Зф
«Jacob Margeret Capitain sub Keiserliche Ma"t begnadigung
«empfang».

Н. Устряловъ.

1 іюня 1858 года.